

Зачем стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

А.С. Пушкин

И вот выражение растерянности покинуло лица мужчин, уступило место злобе, ожесточению и упорству.

Тогда женщины поняли, что всё обошлось, что на этот раз мужчины выдержат. И они спросили: что же теперь делать? И мужчины ответили: не знаем. Но это было не страшно, женщины поняли, что это не страшно, и дети тоже поняли, что это не страшно. Женщины и дети знали твёрдо: нет такой беды, которую нельзя было бы стерпеть,

От подданных к гражданам

Михаил Немцев,
социальный антрополог,
философ, литератор,
редактор темы номера журнала
«60 параллель»,
Новосибирск,
nemtsev.m@gmail.com

лишь бы она не сломила мужчин.
Женщины вернулись к домашним
делам, дети занялись игрой, но игра
не сразу пошла на лад. К середине
дня солнце было уже не такое красное.
Оно заливало зноем укрытую пылью
землю. Мужчины сели на крылечки;
в руках они вертели кто прутик,
кто камешек. Они сидели молча...
прикидывали... думали.

Джон Стейнбек «Гроздь гнева»

Марк Рац в своих «Заметках читателя» в этом номере пишет: *«...Россия — государство имперское и сословное, а потому его жители, скорее подданные, чем граждане; гражданское участие у нас пока редкость, о которой в газетах пишут (наподобие борьбы вокруг Химкинского леса), а гражданского общества и вовсе нет. Но мало ли чего у нас нет? Об этом, помнится, ещё Вольтер говорил. Ведь и солидарность, доверие, общительность, да, собственно и сами сообщества, о которых идёт речь в журнале — по большей части вещи не столько наличные, сколько желаемые. Просто говорить о них лучше именно в этой модальности».*

Итак, «гражданского общества» у нас нет, но, пишет философ — оно желательно. Так же, как доверие и общительность. А почему оно так желательно? И что для него делать? Пришло время в рамках начатого в этом году нашим журналом тематического разговора об образовании сообществ обсудить эту тему.

В словосочетании «гражданское общество», которое до сих пор ещё используется по привычке, ключевым является слово «гражданское». Но поскольку для большинства людей, владеющих русским языком, «гражданин» — это,

похоже, просто человек, имеющий некое «гражданство» (т. е. паспорт некой страны в кармане), ключевым словом во многих дискуссиях остаётся «общество». А «гражданское» — это как бы необязательное и непонятное определение, дань языковым традициям.

Мы, желая разобраться в том, как сообщества возникают, укрепляются, действуют и что с ними происходит, вынуждены обратиться к этому странному словосочетанию. В современном русском словоупотреблении понятие «гражданин», по-видимому, действительно полностью поглощено понятием «гражданство», так что гражданином оказывается просто некто, с полным правом проживающий в некоем государстве и пользующийся в нём гражданскими правами. Тогда «гражданин» — это подданный с паспортом. Но этого же явно не достаточно! Не может же это быть *так!*

Если пойти по традиционному пути определений, то начать можно с вопроса — чем «гражданин» отличается от «не-гражданина»? Ответ политической науки и философии: «гражданин» отличается способностью к таким действиям, к которым другой член политической общности — назовём его, вслед за М. Рацем, «подданный» — не способен. Так вот к каким?

От подданных к гражданам

Известно, что идея гражданства связана с демократией и правами. Это и историческая связь — в Европе Нового времени «гражданство» появляется (оформляется) вместе с национальными государствами и Конституциями; эти государства рано или поздно заявляют себя как республики с конституционным законодательством. Эта связь и логическая: гражданское действие основывается на некотором минимуме гарантированных прав, свобод и обязанностей, которые должны быть закреплены в правовых документах, а именно национальное (демократическое) государство заинтересовано в эффективной действительности таких документов.

Если пришло время опять говорить о формировании «гражданского общества» в России (а об этом говорили и писали десять лет назад, но потом конъюнктура сменилась, и тема как будто потеряла актуальность), то важнее всего определиться с используемыми словами. «Гражданское общество» — это общество чьё? В принципе, без категории «гражданское общество», конечно, вполне можно обойтись, и мы легко будем говорить о множестве других обществ, о групповых идентичностях, возникающих на совершенно разных основаниях. Но вот в этом номере представлено несколько историй совместного действия, которое уместно характеризовать как гражданское. И сами авторы их тоже характеризуют так.

Можно характеризовать «гражданство» через участие в политическом процессе. Тогда «гражданин» — это, прежде всего, тот, кто способен (на другом языке — «обладает компетентностью») реализовывать свои индивидуальные и групповые интересы с помощью существующих политических институтов или совершенствовать эти институты¹. Интерес требует специальной работы по его формулировке, «прописыванию», обсуждению с другими². У конкретно взятого человека фактически может не быть никакого особенного «интереса», и тогда «гражданином» его можно назвать лишь формально, в действительности он — просто житель некой страны. Либо этот интерес, каким бы он ни

¹ Роберт А. Даль Проблемы гражданской компетентности. URL: www.old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-3.htm (благодарю Артёма Марченкова за указание на этот текст).

² Прянишников Н. Правильно ли мы понимаем свои интересы? // 60 параллель. — 2011. — № 1 (40).

был, исполняется с помощью других, не публично-политических институтов и механизмов³.

Такое определение предполагает, что «гражданство» неотделимо от публичных политических институтов, и «гражданами» становятся, когда участвую ими пользоваться, буквально жить в переплетениях. И тогда можно говорить, как я это только что сделал, о «формальном» и «действительном» (работающем) гражданстве, причём первым человека наделяют, очевидно, власти той или иной страны, а вот второе обретают. Вопрос: с чего начинается это превращение или трансформация в «действительного» гражданина?

Известно, что, с одной стороны, большинство жителей даже стран «традиционно демократических» понятию «нормального» гражданина не соответствуют; политикой они не интере-

суются, а с помощью выборов просто «позволяют» тому или иному партийному бюрократу заниматься решением их проблем. С другой стороны, в мире существует множество государств, называющих себя демократическими республиками, где идут некие политические процессы, население соучаствует в создании партий, гражданских ассамблей, фронтов, и т.п. массовых организаций, а в то же время никакой серьёзный политический исследователь действительными «гражданами» участников этих процессов не признаёт. Наконец, известно, что пользователи гражданских прав и демократических институтов могут применять их, по видимости, против собственных фундаментальных гражданских интересов⁴. Таким образом, есть смысл определять «гражданина» не по возможности участия в политическом процессе, а по воз-

³ Например, через известные всем «здесь», но столь трудно определимые для западных антропологов знаменитые отношения «блата». А действительно, зачем вам отвлекаться на совершенствование каких-нибудь общественных институтов, если у вас «всё схвачено»? Но тогда всё: политическая традиция осмысления гражданства, практика гражданского участия и т.д. — не про вас и не для вас, конечно.

⁴ На российском примере об этом размышляет Дмитрий Травин в статье «Авторитарная личность на российских выборах» // Неприкосновенный запас. — 2008. — № 57. См. также: Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. — 2011. — Т. 15. — № 1-2. — С. 6-19 (электронная версия: http://carnegiendowment.org/files/ProetContra_51_6-19_all.pdf).

От подданных к гражданам

возможности совершать некие специфически «гражданственные» действия. Точнее — того, кто находится в процессе обретения таких возможностей. Если это не участие в выборах, то что это?

Нам важно отличать гражданина «формального» от действительного гражданина. Первого — носителя паспорта, «допускаемого» к выборам, точнее было бы называть подданным. Времена феодальных отношений ушли, но в России, например, сохранилась целая культурная традиция отождествления политического действия с проявлением лояльности или нелояльности. Для человека, живущего в такой традиции, всё что ни делается — делается либо по указанию вышестоящего лица, либо против него; разумеется, существует целый мир самостоятельной частной жизни⁵, но в координатах этой частной жизни, круга домашних забот о «гражданстве» говорить просто нет смысла. А всё, что происходит в большем масштабе, определяется в «начальствоцентрических» координатах⁶. Того, кто самоопределяется в этих координатах, следовало бы называть подданным.

Конечно, любое правительство заинтересовано в том, чтобы страну его населяли активные подданные. Те, кто бодро и быстро мобилизуется под некий заявленный «сверху» очередной проект. Это «страна нуждается в усилиях своих граждан» (по выражению Л. Улицкой⁷), а те, кто распоряжаются этой страной, нуждаются скорее в солидарных усилиях своих подданных по выполнению поставленных перед ними задач. Собственно, у подданных нет своих политических интересов (либо — здесь я рискую высказать свою предубежденность — эти интересы формулируются негативно, примерно так: «чтоб отстали» и «это мне не важно»). И содержательность политической активности подданных оценивается по одному универсальному критерию лояльности (причём нелояльность в России привыкли неправильно называть «оппозиционностью»). Управление подданными требует умения двигаться по тонкой грани между «минимальной» политизацией, без которой не будет

⁵ Как известно, самые «настоящие» разговоры происходят в гаражах, на кухнях, в банях и на дачах. Именно там и происходит «настоящая» подлинная жизнь. В крупных городах теперь ещё и в кафе и клубах. См. статью Елизаветы Полухиной и Павла Лебедева в этом номере о даче как таком месте и редакционное примечание к этой статье.

⁶ О «начальствоцентризме» см. в прошлом номере: Немцев М. Надеяться ли на новые единства? // 60 параллель. — 2011. — №41. — С. 10-15.

⁷ Людмила Улицкая, писатель [интервью] // 60 параллель. — 2009. — №4 (35). — С. 7.

Митинг в защиту закона о прямых выплатах детских пособий прошёл в Санкт-Петербурге. Фото ИТАР-ТАСС/Интерпресс/Сергей Вдовин.

эффективной мобилизации, и политизацией «достаточной», которая уже угрожает появлением «гражданства».

Подданные могут, конечно, бунтовать и восставать; но и эти восстания или бунты направлены против «начальника». Не против, скажем, принципов организации властной иерархии. А только против того, кто оказался на её вершине и *слишком неаккуратно* пользуется предоставившимися возможностями. И о таких бунтах думать, в конце концов, неинтересно. Интересно думать о *принципиальных* восстаниях, о восстаниях из-за/для идеи.

«Первыми гражданами» России называли декабристов. Чем отличались декабристы от дворцовых заговорщиков предшествовавших поколений? Своими конституционными проектами. То есть протестом не против конкретной личности, а против принципов правления, воплощаемых этой личностью.

Несогласие — вообще более интересная этическая позиция, чем согласие. Более перспективная. Несогласный, протестант, субъект сопротивления отказывается быть отобилизованным на какое-то дело, нужное «другому» (начальнику),

и даже противопоставляет этому свою собственную мобилизацию, которая позволяет выступить против вместе. Несогласный учится открыто заявлять о своей позиции и отстаивать её — для этого ему нужны методы, он учится борьбе (пример высокоорганизованной протестной деятельности приводится в статье **Антон Свешникова**). Стремление «сделать мир лучше» приводит к противостоянию против тех, кто хочет сделать его лучше, и к объединению ради такой борьбы (как это описывает **Анастасия Денисова**, анализируя идеологию антифашистского движения). Активисты — участники подобных движений нуждаются в дополнительной и «неофициальной» информации об актуальных событиях — так укрепляется гражданская журналистика (об этом статья **Артёма Марченкова**). Знание того, что происходит «на самом деле» и владение чужим опытом получают значение в повседневности, поэтому альтернативные «гражданские» медиа оказываются востребованными. Это альтернативная «центральной», то есть работающей в интересах государства и крупного бизнеса, информационная среда. В ней формируются и распространяются особые новости и аналитика. Это пример того, как те, кто не желает быть только чужим ресурсом, создают свою инфраструктуру независимого действия. Например, собственную информационную среду.

Быть лояльным кому-то (условному «начальству»), значит, принимать ресурсное употребление самого себя как ресурса, части чьей-то инфраструктуры — и наоборот. Правовая система изначально является такой системой⁸, ибо ведь зачем вам та или иная Конституция, если вам не важно — защищает она ваши права или нет? Вы попросту, скажем, проголосуете за любую, и продолжите жить, как жили, когда вас перестанут отвлекать от ваших повседневных дел этими выборами, голосованиями и т. п.

«Гражданское общество» — совокупность объединений тех, кто способен быть по принципиальным соображениям *против*. В этом смысле так называемый «негатив» более значим, он открывает перспективу (и наоборот, как известно, отличный способ погасить протест — это потребовать конструктивных предложений. «Но что конкретно вы предлагаете?» Но можно ли считать «конструктивным» предложение начальнику, во-первых, поскорее уйти? А ведь без

⁸ В XVII-XVIII вв. в европейских государствах защита граждан от произвола королей была одним из факторов формирования конституционного законодательства.

От подданных к гражданам

этого «во-первых» часто бессмысленны любые «во-вторых»). Поэтому важно присматриваться ко всем протестным движениям к сопротивлению вообще⁹: там возникает особый тип политического общения, собственно — само деятельное общение. По-видимому, только сопротивление даёт энергию, позволяющую людям, укоренившимся в бедственном состоянии описанного Гоббсом недружелюбного одиночества (т. е. буквально в условиях современного российского «режима разобщения»¹⁰), преодолевать собственную ограниченность и действовать политически, создавать политические сообщества и т. д.¹¹ Гражданство начинается с негативной свободы, со свободы «от» (хотя я готов утверждать, что свобода индивидуальная — это всегда только свобода «для», но быть свободным индивидуумом можно и в обществе подданных¹²). И поэтому есть большая правда в словах «Интернационала»: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...». Не разрушив, выстроить что-то новое гораздо сложнее — на это требуется гораздо больше энергии и умения (верно и то, что сил после разрушения уже тоже может не хватить).

В контексте русскоязычной социальной мысли нужно переосмыслить роль сопротивления и протеста. Мы здесь

⁹ Seymor, Susan Resistance — in: Anthropological Theory 2006 n.6, p. 303 — 321. В социологии и антропологии «сопротивление» и «протест» — это понятия с разным значением. Я для упрощения рассуждения здесь их использую как синонимы. См. введение в социологию сопротивления — Волков В., Хархордин О. Теория практик. — СПб.: ЕУ СПб, 2008. — Гл. 11. В России антропологи и социологи фактически не пользуются категорией «сопротивление», по-видимому, во многом из опасений быть автоматически обвинёнными в «экстремизме», левачестве и т. д.

¹⁰ Дубин Б. Режим разобщения. Новые заметки к определению культуры и политики // Pro et Contra. — 2009. — № 1.

¹¹ Немцев М. На пути к общительности // 60 параллель. — 2011. — № 1 (40). — С. 38-43. Как сформулировал философ Поль Рикёр, «политическая власть предстаёт в качестве реализации способностей человека могущего. Назовём гражданином этого человека могущего, рождённого сферой политических отношений. (...) политическая власть... должна быть «спасена» исключительно благодаря бдительности самих граждан, созданных в определённом смысле общественным состоянием» (Рикёр П. Мораль, этика и политика / Пер. О. Манчульской // Рикёр П. Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью. — М.: АCADEMIA, 1995. — С. 58).

¹² См. Пушкин А. С. «Из Пиндемонта». Впрочем, всегда надо помнить урок Варлама Шаламова о том, что, по выражению Елены Михайлик в статье об уроках советской «лагерной литературы», чтобы вопрос о свободе личности (а равно — о культуре, ценностях и т. д.) был поставлен, температура воздуха должна подняться выше минус пятидесяти. (Михайлик Е. «Не отражается и не отбрасывает тени»: лагерная литература и закрытое общество // Новое литературное обозрение. — 2009. — № 6 (100). URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1641/1663>).

настолько заняты проблемой появления чего-то нового, что сопротивление, протест, отрицание вызывают ощущение «того же самого». Плюс болезненная реакция многих на любые намёки на протестно-революционную работу. Плюс знание о том, что «плетью обуха не перешибёшь». Выводить «гражданское общество» (о котором мы знаем, что в современном обществе вроде бы без него не обойтись) из сопротивления вроде бы странно. Но посмотрите, как действия в защиту старинного парка в Штутгарте создают из горожан новое сообщество (статья **Антоня Свешникова**). Он пишет о Германии, с её древними традициями создания союзов, ассоциаций и т. п. по любому возможному поводу. Но и в недружной России давно уже существует протестное антифашистское движение — полностью на собственных ресурсах, справляясь без какой-либо мощной поддержки «извне» и без иерархирующей централизации (см. текст **Анастасии Денисовой**).

Поставленную в прошлом номере задачу обсуждения и понимания различных типов сообществ, обобщения их феноменологии можно теперь *конкретизировать*. Сосредоточимся на этом

важнейшем типе сообщества — гражданском. Оно важно именно как политическое сообщество; и как раз пространство политического общения в условиях России недостаточно (см. текст **Марка Раца**), хотя всякого другого общения «у нас есть». Ещё Аристотель полагал политическое общение (= совместное действие по отношению к власти) высшим, и потому наиболее приличествующим человеку¹³ (что для него означало — греку, свободному полноправному жителю полиса, то есть «человеку» в полном смысле этого слова). Значит, такое пространство нужно попросту, чтобы жить по-настоящему. Начинается оно с возможности совместного сопротивления = выступления против того, чего, по их мнению, не должно быть.

¹³ Напомним эти знаменитые слова, которыми начинается его «Политика»: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и охватывает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим».